

Лукьян

РАССКАЗЫ

Салтыков

ГИДРОЦЕФАЛА

Лукьян Салтыков

Рассказы Гидроцефала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69267931

SelfPub; 2023

Аннотация

Воспоминания о прошлых жизнях. Императивные галлюцинации в объективном психическом пространстве.

Содержание

Часть первая. Поэт и Королева.	4
Кодовая Круча.	4
Слово за слово.	8
Грустника.	12
Миронавар Садко.	15
Роза и сосна.	18
Часть вторая. Червивый Человек.	19
Жор. Краткая Концепция.	19
Сарказм.	21
Омары.	25
От дельты до дельты.	28
Вор не любит сторожей.	30
Родя.	32
Спички.	34
Часть третья. Урна 1998.	37
Всё хорошо.	37
Время.	39
Ветер.	42
Каникулы.	44
Тайна Внезапного.	46
Уснуть.	47
Сентябрь.	48
Часть четвёртая. Страница дневника.	49

Лукьян Салтыков

Рассказы Гидроцефала

Часть первая. Поэт и Королева.

Кодовая Круча.

Она была всемирно известна, как столица, где существование более красиво, радость, более полна, а полученные неприятности, забываемы быстрее, чем где-нибудь еще. Бизнес, повсюду, от больших гостиниц до крошечных магазинов, никогда не был успешней, а погода приятней и безмятежней...

Поэт сидел на твердом булыжнике Сумеречного Десятилетия и задумчиво курил папоротник.

«Хорошо, проклятый» – услышал он голос Королевы, как раз где-то на границе недавно распустившихся цветов его шляпы-котелка. «Ваша шляпа – свинья!» – добавил кто-то, наблюдавший, как видно, из-за того куста, в Конце Концов. «Кто здесь?» – спросил Поэт, затягиваясь третьей поляной. «Причина быть любимым...» – ответил кто-то. Он медленно повернул голову на 360 градусов – но увидел ту

же картину: новые электрические лампы поздним вечером, и темнота, растянувшаяся позади них, словно кошка. «Уверенные вещи могут изменить себя только через... четыре года...» – сказал он себе. В ответ на это из-за куста в Конце Концов показался человек с серыми усами, в ярком двубортном жилете и удивительном зеленом шелковом шейном платке, указывая нетерпеливо на три опрокинутых кофейных чашечки, которые опирались на его маленький стол рядом с одним из сиреневых деревьев.

«Я знаю, я знаю! – закричал гость – Большие и невиданные чувства расцвели, но в конце, увы, обязанность вынудила возвращаться к берегам, и справедливая Королева, с тяжелым сердцем, вновь...» «Вы заставляете это походить на бульварный роман!» – возмущённо перебила его Королева, уверенно отмахиваясь правой рукой от назойливой моли, размером с курицу. «Когда мы столкнёмся с Вами в Манхэттане, на выставке моих картин, я вылью галлоны густых воспоминаний в Ваше сочувствующее ухо! А пока...» – добавил гость, и растворился в густой небесно-зелёной листве.

В это время, в левой части Поэта, тронулся поезд. И вот тут, то ли поезд, то ли растворившийся в густой небесно-зелёной листве неизвестный гость с серыми усами, произвели настоящую бархатную революцию, в густо поросшей синим мхом черепной коробке Поэта. «Вы злоупотребляли в мои дела! – закричал Он, не то поезду, не то серым усам – Разрушенные месяцы твердой работы и хитрой подготов-

ки! Вы... Вы свинья! Где моя позолоченный ножны? Где моя злой меч? Даже при том, что мой схема исчез как ветер, все же я хочу иметь удовлетворение! Я распотрошу Вас как свинья, которая Вы!» – вопил Поэт, с явным акцентом Вацлава Гавела в годовщину похорон Яна Оплетала – чешского студента, погибшего в 1939 году, во время протестов против нацистской оккупации Чехии.

«Не здесь... – смутилась Королева – не удобно... Кругом корабли...»

«Матросы там, стыдливо взор потупив, таращатся глазищами кают» – продолжил Поэт. И добавил: «Давай на круче! На круче – круче!»

«Вот, один такой тоже сам не умеет стихи писать, так их за него бабушка пишет...» – сказала Королева и полосатоглазо улыбнулась.

Спустя время в мысленный унитаз, они лежали бок о бок, как две капли воды похожие на две капли воды; как два юных дерева, спиленные календарной пилой вечности; как главные преимущества наружного бистро; как украшенные драгоценными камнями города в короне европейского недвижимого имущества...

«Кто я?» – спросил Королеву Поэт.

«Вы – блуждающий менестрель, который, случается, играет главную роль, в этой волшебной феерии... А я?»

«Вы – КОРОЛЕВА...»

Так Они познакомились.

Слово за слово.

Королева положила голову на можжевелевую подушку, расшитую рыбками в морской сини и неведомыми доселе медузами, уплывающими под шов, и задумалась.

Справа шумели Дурацкие Машины, а слева был слышен чей-то голос, не то из прошлого, не то из будущего...

Ей вспомнилось, как однажды они вместе наблюдали странного человека, аккуратно расчёсывающего землю во дворе своего домика, огромной расчёской, насаженной на палку. Потом ещё ветер... этот ветер... Дождь со снегом, под зонтом, на бревне... мокрые джинсы... «А странно – сказала она себе – бывает, живут люди, и не знают... а бывает, знают, а и не живут вовсе...». «Ооо... монолог!» – воскрился Поэт, откупоривая восемнадцатую бутылку Портвейна, четыре раза в месяц, по праздникам, сидя под Кустом Забвения. «Кровяка! Кругом кровяка! Ты видишь?» – спросила Королева, подставляя пустой стакан. «Не вижу – слукавил Поэт – всё абсолютно естественно в условиях войны». «Умные люди говорят в таких случаях: «По мясу» – похвасталась знанием умных людей Королева – и вообще, есть любопытный факт о том, что среди учёных Новой Гвинеи, принято считать Луну затылком Солнца».

В это время, под неизвестно откуда взявшейся таб-

личкой с надписью «Входи. НЕ убьёт!», открылась дверца, и словно дико торчащие из полосы утреннего тумана стебли Иван-чая, взору предстали две фигуры. Фигуры были одеты в сарафаны, венчаемые одутловатого вида физиономиями, явно отягощёнными абстинентным синдромом. «Мы – начала вещать первая фигура – признаки сформировавшегося алкоголизма; состояние на исходе опьянения, характеризующееся общей слабостью, недомоганием, резким ухудшением настроения, тревожностью, подозрительностью, головной болью, тошнотой, рвотой, тремором тела, тахикардией, потливостью, бессонницей, кошмарными сновидениями...» «Это не та бумажка! – вмешалась вторая фигура – Мы – представители стихотворно-певческой партии «Слово за слово». Мы – ваше светлое завтра! Присоединяйтесь к нам и уже сегодня...» на этом их тирада прекратилась, и они исчезли в дыму сценического спецэффекта, оставив после себя визитную карточку, на которой было написано буквально следующее: «Почётные члены стихотворно-певческой Партии города N «Слово за слово» тётя Мотя и баба Люба».

«Вы видели, мой мальчик, любовь поистине зла! А любовь к искусству тем паче – резюмировала Королева – Эти почтенные дамы, словно жёны декабристов, потерявшие пуговицу смысла от халата души где-то на этапе Москва-Сибирь, стыдливо прикрывают ладонью спиртного, голую...» «Спасибо, я понял! – перебил Поэт – Но несмотря на это, их мыльно-рыльная философия меня не вдохновляет». «Как

вы можете! Ведь, если хаос девяностых отражает радикальное изменение в парадигмах визуальной грамотности, то заключительное изменение далеко от традиции! – возмутилась Королева – да и к тому же, на пенсии, стихи – единственный безопасный проход через интеллектуальные кордоны. Их шанс прибыть сюда был только случайностью. И вот однажды, поздно днём, окаймляя покров сального дыма кулинарии, который висел низко над женщинами в сухой кровати ручья, Мухи Судьбы повисились в сердитом облаке, затем улаженном снова, игнорируя его! А вы говорите: не вдохновляет»...

Поэт нервно начал искать кровать ручья в длину хвороста. В спине жакета, чуть ниже левой лопатки, было круглое отверстие, которое напоминало шахту карандаша... Правый карман его содержал пятнадцать ампул Megacillin-D, десятидюймовое лезвие и дозу кокаина в упаковке от антибиотиков. Он сделал ножом глубокий надрез на запястье, словно в гнилой пень врезает топор твёрдая рука дровосека. Там было темно. Первые три четверти кассеты его жизни были стёрты; он ударил кулаком по передовой через статический туман вытертой ленты, где вкус и аромат пятнают единственный канал. Звуковой вход – белый свет – в тишине из тёмного моря... (Продлённый вход от вытертой ленты может вызывать галлюцинацию.)

Поэт присел на обочине пореза и увидел Нью-Мексико

В ПОЛНОЧЬ...

Между тем Королева разбирала тайный смысл Небесной Голограммы.

Грустника.

Королева сидела под можжевелевой липой и смотрела на мир то глазами Правды то глазами Любви, попеременно. У ног её стояло восемь пустых и одно опустошённое до половины вёдер Грустника, собранной до восхода росы инвентаря топорного быта бесплатных наслаждений. Эту фантастическую склонность к еде Она получила в наследство от далёкого пращура из ныне бесследно исчезнувшего племени «ням-ням». Ей было не больно.

На гардину северных метаморфоз день за днём нанизывались годы. Она знала, что где-то далеко деревья уже стоят по уши в снегу, и это тревожило Её. «Навязчивая неизбежность зимы... – задумчиво произнесла Она – Навязчивая... Ох!». «Эй! – раздалось из-за спины – Костями праздными обильный, я вышел на пустынный берег!» – с этими словами со стороны Восточной Тропы Пригорода появился Поэт. На шее его висела роскошная цапля, волосы которой были цвета индиго, а в клюве светилась улыбка. «Н-да... хорошему коту и в апреле март» – сказала Королева, умеренно жуя Грустнику. «Сегодня во мне завелись кузнечики! – похвастал Поэт – Я просто сидел среди сумерек и курил, изучая трактат «О Поэзии Вина Под Музыка Стаканов», написанный японским сторожем мистером Томуто Томуто, и вдруг услышал

их стрекотание! Тут же из-под стола показалось Лицо и, погрозив пальцем, предложило облизать пилу. Потом оно исчезло и до утра всё было тихо, лишь один раз пришла огромная мышь и попросила закурить. Мне показалось это очень важным...»

«Ощущение важности в наше время, жизнью не является! – перебила его Королева – Столь интересный и захватывающий Мир стал мягким и безопасным местом. Каждый день походит на другой, и мы так устали от этого. Люди в прошлом имели обыкновение рисковать жизнью, охотясь на животных, принимая участие в экспедициях, убегая с чужими жёнами. Мы нуждаемся в некотором адреналине и чрезвычайности, чтобы чувствовать, что наша жизнь продвигается!» – Грустника делала своё дело... – «Всё больше людей пробует что-нибудь от организованного пружинного устройства, подстрекающего к незаконному спрыгиванию из зданий. И люди никогда не чувствуют себя настолько живыми как тогда, когда они рискуют их жизнью» – Она замолчала, пристально глядя в глаза Поэта.

«Тылу тыл – вяло ответил он. – А знаешь, постели нам сегодня под Кустом. Видит бог, даже мост Ватерлоо имеет не такое глубокое значение, как встреча, знакомство и любовь молоденькой балерины Майра и красавца-офицера Роя Кронина, во время бомбёжек Лондона...»

МАНДЕЛЬШТАМП:

Крепко обнявшись, они уснули, чтобы ещё вернее быть вместе. Им снился вечер Русского Аванса, куда приглашаются все безработные, чудесная мелодия Зелёной Флейты, нелепый танец Терминатора с медведем, местный вариант проливного дождя – Скулькато, съёмная квартира на окраине города и многое-многое другое...

За десять лет они впервые были СЧАСТЛИВЫ.

В Лес постучалась Зима.

Никто не открыл.

Миронавар Садко.

«С Вами, на жёлтом солнце глаза, да в ржавое, красного цвета завтра...

Днями ранее трава болота была сухой!

На вид горячей, да прямо в новое сердце огня!

Сгорит горячая, полностью дотла!

Счастьем кожа, днём наполненная, как рассвет!

Я сегодня, как лист на дереве весной, я сегодня, как – это?

Поэт!

Возможно и поэту – мы необходимы, а, критики-эксперты?

Другим чтоб становилось неповадно.

В страсти, которая опьяняет, под сенью сада охватив любовно Тебя губой,

Ласкать, в ярости медленно, фитили Твоих волос!

Чтоб ночью, океан делал бесконечно песни в тишине...

С ним непосредственно, как спасенье, память о недавно взятых новых городах!

Я с Тобою, как лист на дереве весной, я с Тобою, как – это?

Поэт?» – Садко упал к основанию реки и оказался в Лесу.

Королева и Поэт слышали о музыкальных талантах Садко и попросили, чтобы он играл и пел для них. Они были вне себя от радости и решили сделать пребывание Садко в

Лесу приятным, обещав не бить его.

Выше сосен, медленно дрейфовала луна, река пела о чём-то своём; а где-то вдалеке от Гидрометцентра вздымались минареты снега. Ревущий походный костер, с грубым юмором, дарил румяные оттенки здоровья измученным лицам насекомых.

«Рассказывает ли он для Тебя обо мне?

– затянул новую песню Садко -

Чем беспокою я Тебя, с сегодняшнего дня?

Я был один. Хотел ли просто я Тебя?

Я буду делать также как газон, как ветер, как вино!

Ведь я люблю Тебя!

Я опишу удаление без прецедента гармоничным словом, как на склоне, сверкает конверт речным обловом.

Златоглаво поталь!

Ты ведь любишь поталь?

О, да! Ты любишь поталь!

В вешний полдень я не управлял мероприятиями.

Мне бы ими никогда не управлять!

Я знаю, снова серый цвет будет завтра.

Я знаю, он будет завтра, как всегда.

Но почему каждый раз все видят меня одинаково: будто в Твоей судьбе я только пешеход, который делает воду вином...»

«Хм... Странно... – размышляла Королева – Уж не сочтите это за слишком самонадеянное безумие, но эти брыз-

ги Западной сосны точно такие, как на той могиле, где английский дуб и падуб и венки лавра переплетают жаркое лето две тысячи восемь раз... Хм» – хмыкнула Она ещё раз и задумчиво уставилась кругло-полосатыми глазами на предутренний пенный закат, разлитый стремительно кем-то в невидимую тару Бытия. «Я где-то это уже слышала... Наверное здесь ...Тайна... Тайна... Тайна...»

НАД ЧЕРТОЙ:

«После моей смерти, Вы вскрыете вены этой Тайны, и кровь её хлынет в газеты...» – вдруг сказал Садко голосом Поэта...

ПОД ЧЕРТОЙ:

Её возлюбленный был непостоянным, по-французски некрасивым и всегда в Лесу...

Роза и сосна.

Цезарьмаус шёл не разбирая пути. Цезарьмаус знал: там, где из слепого ока мироздания торчит небесный штырь ментальной иррациональности бытия, там, где ещё не ступала нога Верховного Жреца Цветка Папоротника, только там найдёт он желанный покой.

Во дни оны вышед из Галилеи рабов божьих, с мечтою о новой свободе, менее обязательной, менее обременительной наказаниями за неверный выбор, он внимал встречным ветрам подобно знамени в руках Архангела передовой. Очи его горели словно янтарь в алтарной оправе, сжигая весомые упрёки заветных попутчиков. Казалось сердце наконец-то минует слишком затянувшийся период Великого Похолодания. И уста его исполненные радостью беспечно прославляли инвективы абскуранта Фридриха Шлегеля.

Но почему же сегодня у ворот Государственного Учреждения стоит он смущённый, обречённо потупив взор?

Трус! Он – всё таки трус...

«Это всё?» – спросила Королева сладко потягиваясь.

«Да...» – ответил Поэт.

Часть вторая. Червивый Человек.

Жор. Краткая Концепция.

Эта любовная история произошла так.

Сказали – резать солонкой... Оказалось трудно. Взял нож. Ножом – легче.

Кресс водяной, морковь, сладкая груша, грецкий орех и кусок сыра Пармезан, – говорят, это настоящая комбинация, простая и вкусная.

За окном дождь, но... с хорошим девственным оливковым маслом, только что выжатым из маленького лимона (потому что сок груши является немного кислым), дождя, в принципе, нет.

Она безбоязненно смотрела в мусорное ведро. Оно всё равно не в её компетенции.

А вот испечённые топинамбуры, хлебные крошки, тимьян и сливки двойного сепарирования пинты, да ещё два чеснока... – вот тут как раз – да! Потерялась... Потерялась какая-то кастрюля с алюминиевым лицом. Ну, там ладно... нашли. А я вот слышу её и легко представляю, как тёмное перо кубинского фрахтовщика, исчезает за горизонтом. Можно даже так: нагрейте духовку до 350 градусов по фаренгей-

ту, смешайте замерзающий сахар с орехами – пеканами на противне и опрыскайте небольшим количеством воды, ещё можно добавить пельменей, по вкусу.

Если для приготовления служит котелок с выпуклым днищем, то повторяйте молитву:

Пусть котелок с выпуклым днищем
Для нашей пищи послужит жилищем.

Если же используете другую посуду – можете не молиться.

Всё равно, кстати, не поможет.

А можно ещё стряхнуть грязь с картошки щёткой или кухонным полотенцем и съесть её. Не грязь. Картошку. Вот ещё сыр Пармезан. Что за Пармезан?

Пармезан и всё.

И всё.

И всё...

Кто-то пришёл?

© Луковый Пёс и Американский Филиал Японского Объединения Пластмасс.

Сарказм.

На консультации археолога о конце визы и собаке, меня удовлетворило лишь, осуществленное опытным путем, усложнение ожидаемого разряда в годовщину быта и противоудара толпы.

Начальные переводчики тюрьмы пребывания, послушно ожидали ответственный момент, неприятно усиливающий что-то.

Фляга хвоста и несовместимости создала возможность, уничтожающую предчувствия нарушителей спокойствия.

Учреждения находят отступление от ограбления власти – ударом Арго, который, если и сводит старые грехи на нет, то вертикально, от чего повышаются хватка угля у ног парня. Вредит ли это уродливому темпу полудня?

Полу-известность заработной платы. Богоподобная половина поражена. Мирное оружие – девять подобных. Утро упало. Представление холода, представление полудня помещает маску на очередную гибель. Медленный ветер должен всесторонне покупать связанные предчувствия радости. Пятьдесят тонн городского железа предвидит хронически чистый полдень.

Долго совершает поездку пара мягких сторонников жесткой руки. Понимающие пальмы с сожалением смотрят

на убийство гильдии, в котором даже слабый пристальный взгляд открывает осторожность, дающую мертвому революционеру вершины колена, лишь потери в тумане добычи.

Незаменимый вкус безразлично слизанного снега с шеи. Скрывает нога ног купленные в возрасте детали влияния. Встречая кодовый разговор, самонадеянный беспорядок, матовый ржавый гвоздь знает, что земной шар подтверждает этим находку ада.

Падение в разрез чистым – единственный хороший жест для безразличных.

Данные бьют в ячейку, пушистую... после этого приближение холодильника и слезы продукта.

Части ограничивают специальных уполномоченных демонстраций. Недооценка учреждения, сделанная во время иска – самый старый показ. Сияя, сгиб, пылавший безразлично, предвидением распределяет осложнения...

Инстинктивно я охватил народную вену подарка остроумия. Устало прибывает быстрое чудовище, рефлексивно несдержанных функционеров – замедляет просьбы востока. Арго обязательно разрушит часть лаборатории значения математики. Вниз, отвлеченно, ученики бесед септильонов уходят...

Значительная показная роскошь вкладов великолепно обдумана на случай ужасно неудобных эпиграмм. Психологи автоматически вьют городское гнездо из лучей карт. Карты управляют мясом, которое, как тусклая скудная непринуж-

денность размера – лишь щель законов молока и рассказа ноги, говорит, вынимая монету разговора, делает дорожку наконечника реальными подсказками, и жар от замедления идеи ионов... Броская серая кабина ерунды изнашивается наконец и утверждает неудовлетворение встреченной коробкой. Изменяется несовместимость септильонов популярности, от чего популярность стоимости экономит куклу альтернатив, а не секции нормы наборов.

Летел я, проведенный вкладами обсуждения, которые дурачат хороших и помещают их в... Я же отчетливо помню, как взял и заставил встревоженные основные принципы леди служить! Как виза продаёт указание, неловко соблюдая полу-факт темпа выстрела лучшей массы с оттенком, я покупаю самолет с горлом хвоста оружия, чопорно отрезанным от внешнего мира. Это позволяет уронить за край темпераментное понимание функционеров со стороны безразлично ограниченного понимания, на которых охотятся, имея экстраординарную угрозу платежей, неосведомленные энциклопедии.

Беспокойные ваши септильоны также знают неправдоподобие повышения ленты переговоров свободы и проверки информации. Объяснения парня из небытия, которым управляют, выполняют роль разборного союзника Арго.

Когда авторитарное убийство постановлением дисквалифицировало ветер, лишённый помощи властных структур, заглавные буквы Кулака и Одежды создали условия для

суеверного сопения. Крушение же неправдоподобия, великолепно! Сенат полудня задаст работу странице порта данных и учреждению изготовителей предчувствий. Дюжина данных схоронит луковицу большой тверди... Толчок, замеченный Вами только что, – то же самое что оптовая бомба, проклинаящая ежедневное железо, звонки мятежников, и золотую полосу прессы.

Пирог! Какой мрак брови комнаты посылают археологической несовместимости в промышленном отношении края и заработной платы.

Девять сопротивлений, великолепно экстраординарные, пожертвованные предчувствия и ещё дикое затруднение вертикальных колебаний... assa!

Омары.

В тусклой диспетчерской, которая простиралась в широком поклоне от тупого носа, четыре головы были собраны вокруг компьютерного показа, который анализировал очень, очень слабые и неустойчивые сигналы того, что происходило глубоко на морском дне. «Вот» – сказал владелец одной из голов наконец. «Мы можем быть весьма уверены?» – сказал владелец другой из голов. «Уверены на все сто процентов» – ответил владелец первой головы. «Вы – уверенные на сто процентов, а вам не кажется, что там на дне, то, что Ной положительно не мог терпеть?»... «Бог?» – сказал владелец двух остающихся голов. «Эй! – он поднял две из его рук – я только спрашиваю»...

Любой сложный хорошо осведомленный человек, который избил за свою жизнь несколько замечательных людей, вероятно заметит также и то, относительно чего, сам будет похож на карточный домик – большой и недавно крашенный.

Он бросился назад на экспериментальную кушетку, открыл несколько банок пива – одну для себя, и другую также для себя – прикрепил ноги на пульте и сказал: «Эй, ребенок, через ультрастакан к мимолетной рыбе, готов ли ты нырнуть, о, гад!?!...». «Да!» – ответил кто-то, стуча внезапно чем-то из более чувствительных инструментов, «Пойдем, гад». И они

ушли, обменяв утомленные взгляды на побочные продукты.

Но, чтобы пронести побочные продукты мимо швейцаров Самой Близкой Черной Дыры, надо дать чаевые им в... А так не добраться, потому что Пилот делает обход каждый день – правильно ли это?

Хорошо, таким образом, день сегодня прохладен, мы вместе, вроде бы складно, но... Я подразумеваю – честно признаться – это лает время; это – главный завтрак; это – табурет, с приближающейся к нему критической массой; это – ..., это является ... полным отказом словаря!

«Закрытый!» – его правильная голова завопила слева от него!

«Слушайте парни, – встрепенулся он – эти два чиновника не сказали ничего. Беседа на этом уровне была не тем... Я не то хотел узнать...».

Итак, я отослал Первомай, и был поражён. Это – бедствие, не так ли? Полное бедствие, и всё, потому что парень любил омаров. Сколько смысла я делаю? Мне действительно сложно это сказать: Он пристально глядел на них, и его мнение, казалось, колебалось, медленно отступая к земле, как падающий лист. Он мигал и смотрел на них странно, как обезьяна, глядящая на старую рыбу. Он царапал любопытно морщинистыми пальцами стеклянную банку. А крошечные, толстые желтые пузыри вылезали из его рта и носа, и, пойманные на миг в роскошной швабре его волос, без-

удержно уплывали вверх...

От дельты до дельты.

Он думал, что человек в состоянии пройти через все это только однажды, хотя к настоящему времени знал каждую сенсацию первых пяти субъективных минут. Он думал, что самая интересная часть последовательности, была небольшим промахом редактирования, в начале сложной рутины дыхания: быстрое что-то, мельком взглянуло на белый берег, выбрав фигуру, патрулирующую забор цепной связи.

Чтобы избегать крайне резких возвращений к сознанию, он использовал шнуры участка, миниатюрные скрепки аллигатора, и черную ленту, чтобы телеграфировать индуктор на батарею – палубу.

«Я видел первую единицу в трущобах Техаса, по имени Джейн. Это был массивный пульт в дешевом пластмассовом хrome. Десятидолларовый счет, – пять минут гимнастики свободного падения. О, боже! Опрометчиво! Опрометчиво для джунглей, где проще купить оружие, чем принять горячую ванну. Так вот – тогда было не то! Теперь – то!» – примерный монолог начинающего революционера.

Луч прожектора исследует голые полки свидетельств любви, находя сломанный кожаный ремень, кассету, и открытку с вооруженными беженцами, чёрными птицами и игральными картами.

Теперь к делу! Вот что: через много лет... словесных лет... – Десять Долгих Лет – Время Сердца! И значит... И поэтому... И вдруг ...Взрыв!

Взрыв!

Взрыв!

«Взрыв был видим на расстоянии в две мили – белый лист зарницы, которая повернула бледные ветви голого дерева против вечернего неба в фотографическое отрицание себя: углеродистые ветви против неба магния...» – скажут газеты. Господи!

Переход от дельты до дельты был тёмной имплозией в другую плоть. Дружественные отношения смягчали удар. Они чувствовали прохладную простынь под плечами. Словно унция кокаина, тщательно обёрнутого в прозрачную хирургическую ленту, они должны были ожидать от этого времени более новой технологии, дающей им обещание дискретного зашифровывания и последующей реконструкции полного диапазона сенсорного восприятия...

Размышление:

Мы – фрагменты друг друга, отныне и навсегда.

К тому же эта засуха...

Вор не любит сторожей.

Семь долгих ночей в этом гробу. Как я хочу Вас теперь. Вы поражаете меня. Переиграем это, только медленней...

Я вижу, что Вы усмехаетесь, говоря быстро, отклоняя мои предприятия, как межкорпоративный шпионаж.

«Край, – Вы сказали, – мы должны найти тот Край». Край тот стал чашей Грааля для меня, той существенной фракцией явного человеческого таланта, непередаваемого, запертого в черепах всемирных, самых горячих, исследователей. Я читал, как историки описывают различные сферы влияния, внутреннюю конкуренцию, дугу специфической карьеры, пункт слабости, обнаруженной в броне мозгового центра... но только не Край. Он им не ведом... И слава богу. Я найду его первым!

Взяв дешёвый хром за основу бытия сингапурской гостиницы, я тратил целые дни, наблюдая японские телевикторины и старые кинофильмы. Моя левая рука отсчитывала люки гроба и многоязычные переводные картинки, что отдавал я в качестве штрафов, наложенных за потерю ключа.

Вы плачете. Он никогда не лежит с Вами всю ночь на берегу в Камакуре, никогда не слушает Ваши сны... Он был солдатом в секретных перестрелках; многонациональные корпорации, которые управляют всеми экономическими

системами, жали ему руку. Поэтому Вы с ним. Но никакой парижский портной не скроет рваные края...

Я наблюдал, как Вы оделись; колебание Ваших темных волос, словно сокращало воздух...

Теперь всё это охотится за мной.

Зимой, как стемнеет, я непременно позвоню Вам... Вы же понимаете – международные пластмассовые капсулы один метр высотой и три длиной, сложенные, как избыточные зубы в конкретной партии, от главной дороги к аэропорту имеют установленный поток телевидения с потолком. Поэтому нам нужно быть осторожными.

Раздавленный комок новой иены, обветшала записная книжка, пластиковая карта банка Мицубиси, паспорт с золотой хризантемой, отпечатанной на покрытии, и...

...Десять долгих лет в этом гробу... Как я люблю Вас!

Родя.

Поздравляю небеса. Он был под крышей пяти замечательных зданий и видел больше туалета, чем парламента. Но хозяйка арендовала эту комнату с обедом и ужином, спроектировала лестницу, чтобы разделить рацион. Он всегда выходил, он подозревал, что в любое время пройдет через кухню, почти как эксперт, выражение его лица было очень смущенным, и он был унижен. Во враждебности он боялся всего, что с ним происходило. Позже его отец, Абу Суфьян, стал врагом мусульман, поэтому он не смог вернуться в Мекку. Мухаммад «История тёти Питы».

Что бы вы ни делали, общежития не будет. Он устал, и его государство оплатило лечение.

Он так плохо одет, что даже обычному человеку было стыдно идти рядом с ним. Но в этой области трудно было кого-то удивить костюмом. Близость Городского рынка, обилие знаменитых зданий и, самое главное, количество покупателей и ремесленников, собравшихся на этих улицах и переулках, соответствовали общей панораме с иногда удивительно странными мотивами, доходящими до его сознания. Но в глубине души молодой человек был так зол, что, несмотря

на то, что иногда он был очень молод, ему было еще больше стыдно за свой путь.

Настанет день, и будет виден рассвет. Мне нравится писать в этом году, поэтому я пишу то, что пишу, почему зря. Кулон – это ад. Мне нужна репетиция стоимостью 2,20 миллионов, если у меня не будет рубашки, я больше не смогу спать. Мне также кажется, что я пьяный пьяница в облаках, когда я потратил деньги на всю свою постель. Она ждала меня, но я не поднялся наверх.

Судя по описанию вашего супруга, мы пришли к выводу, что у вас самая эффектная аутофагия и самая большая сви-стулька в анусе, образовавшаяся в результате постоянного переноса газов.

Выбор, который видела богатая девушка, был очень велик, но я всегда был пьян, поэтому взял бутылку для девушки и бутылку для девушки. Самый сильный ягненок поднялся на гору, и остальные последовали за ним. Он не чужой, а хитрый, проницательный, государственный деятель, и, иногда, его бьют по его лицу, а он сказал Господу: «о кроткий человек!»

Спички.

Моё имя, в период времени брака – Полицейская машина. Год следуемый за производством – 2007. Директор комедии является после того, как рассказ закончен. Действительно ли хорошие дети живут влюблёнными в умершее согласие? Тонкие принципы вдруг, открывают более невинно, что в жизни все они были полны опасными приключениями и болезненными искушениями. И тут благоверный принц появляется перед ужасным фактом. Его царство – сборище принцесс, которые спят в его доме. Обнимать каждую – и все вступают в брак.

Инструмент главного обучения проекта – система. Метаязык. Это состоит, будучи... Образы на ферме официантов. Специализированное материальное обучение и коллектив экспертов, использующих воспитательный процесс, для осуществления результата присутствия во всём веществе системы – это профессиональные комментаторы, комментируют курс воспитательного процесса, что дано им специально развитым характером оживления. Преподаватель.

Притча. Два мужчины шли через лес и натолкнулись на большое чёрное, глубокое отверстие. Один человек собрал скалу и бросил это в отверстие и стоял, прислушиваясь к скале, чтобы поразить основание. Не было никакого звука.

Он поворачивался к другому парню и сказал, что «это должно быть глубоким отверстием ..., давайте добавлять большую скалу там и прислушиваться к этому, чтобы поразить основание». Мужчины нашли большую скалу, и оба собрали это и тащили это к отверстию и понизили это в. Они слушали в течение некоторого времени и никогда не слышали звук. Снова, они согласились, что это должно быть одним глубоким отверстием, и возможно они должны бросить кое-что еще большее в это. Один человек определил связь железной дороги поблизости. Они собрали связь и хрюкая тащили это к отверстию. Они бросили это в. Никакой звук. Внезапно, козёл прибыл, летя из леса, бегущий как ветер, и пролетал мужчин и подскочил прямо в отверстие. Мужчины были поражены. О том времени, старый фермер вышел из леса и спросил мужчин, если они видели козла. Один человек сказал фермеру о невероятном инциденте, что они только что засвидетельствовали ..., они только что видели эту муху козла из леса, что вбежал вприпрыжку в отверстие. Человек спросил фермера, если это, возможно, было бы его козлом. Старый фермер сказал «нет, что не может быть мой козёл ..., он был прикован к связи железной дороги». Сенека.

Так повторялось почти каждую ночь в течение двух месяцев. Она жила в узком доме на Квадрат Дерби. Днём там было не лучше, поскольку дом был постоянно грязным и несвежим с предыдущего вечера, и район был неряшлив

и нахален.

«Зловонная арфа!» – кричали птицы поутру.

«Зловонная арфа!» – кричали птицы поутру.

«Зловонная арфа!» – кричали птицы поутру.

Часть третья. Урна 1998.

Всё хорошо.

В моей голове два времени: лето и... не знаю. Главное – лето. Вдалеке лес и над ним туча. Скоро будет гроза. Мы идём с тобою по дороге. Вокруг никого. Ветер усиливается. Мы идём прямо на горизонт. Идём и держимся за руки... Хорошо.

Первый раскат грома. Из далека. «Я боюсь грозы» – говоришь ты и прижимаешься ко мне. «Пойдём домой?». «Пойдём». Возвращаемся. Ветер дует в спину. Холодно. Хорошо...

Мы едем в автобусе молча на разных сиденьях. На остановке ты замечаешь знакомых и пересаживаешься ко мне. Они заходят. Здравуемся. У нас всё хорошо.

...Телефон. Я снимаю трубку. «Привет!» – твой радостный голос. «Привет». «Давай встретимся? Я соскучилась». «Давай».

На улице опять дождь. Дождливое лето. Я стою у подъезда и жду. Замечаю тебя ещё издалека. Ты без зонта, и вся промокла. Обнимаешь меня, улыбаешься... Хорошо.

Мы поднимаемся по лестнице. Ты рассержена, идёшь чуть

впереди – я вновь пожаловался на усталость. Выходим на площадь. Сколько народу! Ты берёшь меня под руку. Я думаю: «Для чего я живу?». У нас по-прежнему всё хорошо.

Время.

А тот, кто хочет любви

Беззащитен вдвойне...

БГ

I

Он сидел у окна и ждал. Чего? А ничего – просто ждал. За окном по-прежнему моросил дождь, и ветер тоже дул по-прежнему. Всё это лежало тенью на Его лице. Ему и невдомёк было, что за этой осенью тоже кроется... зима.

Часы пробили... никто не считал сколько они пробили; быть может это были и не часы вовсе, а стук в дверь. Он, всё также глядя в окно, улыбнулся кому-то, хотя там решительно никого не было, и встал. Потом осторожно подошёл к стене, где висели часы, так же осторожно снял их и направился вместе с ними в коридор. Там Он тихонько отворил дверь и выбросил часы на лестницу. Воротившись в комнату, он смастерил из картона табличку с надписью «ВРЕМЯ» и повесил её вместо часов. Отступив на шаг и полюбовавшись своим изобретением, Он решил, что сейчас, наверно самое время идти спать.

Засыпая, Он думал, видимо, о чём-то приятном, улыбался и шептал, наверно, что-то долгожданное, покуда не забылся сном.

Проснулся Он от громкого беспрерывного стука, и с удив-

лением узнал в нём удары собственного сердца. Открыв глаза, Он увидел прямо над собой огромного паука, такого огромного, что не ясно было, как он смог протиснуться в комнату. В ужасе Он хотел было закричать и броситься вон из дому, но не смог сделать ни того, ни другого. Ноги и руки Его были связаны, а голос почему-то не слушался, и вместо того, чтобы закричать, Он вдруг спросил: «Это Ты?» «Я» – ответил паук. «А почему так долго? Я ждал, когда сидел там...» «Занят был. Ведь не один же Ты ждёшь».

II

«Я не люблю тебя» – едва слышно прошептал Он.

«Я не нуждаюсь в Твоей Любви, неужели Ты этого не понял? Ты ждал меня, но теперь меня ждут другие, так что будь любезен веди себя, как подобает обречённому рождением на смерть»... После этих слов паук исчез, наполнив воздух смрадом и духотой.

Он встал с постели и с удивлением обнаружил, что это дым. Вся квартира была в дыму, а из дверей доносился стук.

Он открыл окно. Было 4 утра. Улицы ещё спали, и лишь редкие птицы да стальной свет на Востоке предрекали появление Солнца. Дым потянулся к открытому проёму и исчез. Стук становился всё громче и громче. Он пошёл в коридор и открыл дверь. Это был пожарник. Увидев Его, он нервно перевёл дыхание: «Живы?». «Жив». «Это ваше?» – с этими словами он протянул Ему обуглившиеся настенные часы.

«Моё». «Ваши соседи... Они сгорели» – добавил пожарник и, грузно развернувшись, ушёл прочь.

Он закрыл дверь и вернулся в комнату, где на стене по-прежнему висела картонка с надписью «ВРЕМЯ». Решив, что это сама Судьба расставляет всё по местам, Он снял табличку и повесил вместо неё часы. На них было 4 утра. Самое время пить кофе. Он включил музыку, закурил сигарету и отправился на кухню совершать задуманное.

Ветер.

*В нас ещё до рождения наделали дыр;
И где тот портной, что сможет их залатать?...*

В. Цой

I

Когда Он подходил к Дому Науки, уже совсем рассвело. Частые прохожие, шум машин немного вывели Его из равновесия.

На скамейке у входа сидел цирковой Медведь, средних лет в синей рубашке при галстукe и в пиджаке. Он давно уже был списан из Цирка за непрактичность, и теперь преподавал Закон. Увидев Его, зверь радостно привстал и пожал Ему руку. Не смотря на раннее утро, он был уже пьян.

«А Ты знаешь, зачем я здесь?» – спросил Учитель и невозмутимо икнул...

Через час занятия окончились, так как Закон совсем скис, а заменить его в тот день было нечем.

Вернувшись домой, Он узнал, что брат которого Он так любил, предал Его и теперь Ему некому доверять.

Он достал блокнот и аккуратно вывел: «ВЕТЕР».

II

Теперь, когда перед Ним открылась панорама готических замков, вонзающих в небо свои острые башни, непроходимых лесов, кишаших дикими зверьми, и глубоких рек, Он чувствовал себя сильнее, чем обычно. Всё, что имело ценность там, здесь ничего не значило. Дыхание Смерти было повсюду. И Он, как простой рудокоп, вооружившись киркою, шёл навстречу Неизвестности...

Быть может когда-нибудь ещё один, бездумно ввергнутый в этот мир, увидит во ВРЕМЕНИ оковы, бремя которых захочет он сбросить. Но не найдя в себе сил умереть пусть станет он ВЕТРОМ...

Да пересекутся тогда наши пути!

Каникулы.

Скоро ли ты кончишь считать?

Ремарк

Лето. Я лежу на тротуаре абсолютно голый, но меня никто не замечает. Не смотря на раннее утро тротуар уже достаточно тёплый, я чувствую его тепло ногами и животом. Приподнявшись на локтях, я наблюдаю за людьми, идущими на работу. Вот женщина прошла мимо меня, так близко, что всколыхнула воздух вокруг. За всю свою жизнь я встречал её дважды, так как живу в этом же доме, но нас разделяют семь подъездов.

Вдруг в голову приходит мысль о том, что за домом сейчас ещё тень, а дальше на запад, уже освещённая лучами восхода, малосемейка – рыжий дом в девять этажей с одним подъездом. Когда он строился, я гулял по его подвалам. Однажды я нашёл там мёртвого попугая и похоронил его там же в песке, завернув в бумагу, потом ещё – мёртвую кошку... Позже подвал закрыли, и я перестал туда ходить.

Сейчас я лежу на бетонной площадке напротив этого дома. Солнце сюда ещё не заглянуло и бетон заметно холоднее прежнего. Я лежу, вытянувшись на спине, скрестив руки за головой. Одет я в спортивное трико зелёного цвета и чёрную рубашку, на ногах белые кроссовки. Теперь взору моему открылась бесконечно-светлая синяя даль утреннего

неба. Какая судьба уготована мне? Какие известия принесёт эта даль? – это мне ещё предстояло узнать.

Тайна Внезапного.

Никогда не говорил я о лёгкости проведения в жизнь нового сознания.

Николай Рерих

Вызывающая красота лезвия бритвы обращает даже complements в проклятия. Любой взгляд – даже мельком – рушит все божественные помыслы и превращает чистоту чувственной радости в летний асфальт. По которому, лишь если это удаётся, пройдя в 1998 год, можно успокоить теперь уже разумное буйство всепоглощающей пустоты, и даже насладиться, ощущая ладонью лёгкое тепло трепещущих надежд. Особенно счастливые – а таковыми без сомнения являемся мы все – научатся сгорать, как спирт, на плоскости дождливых полей и плачущих окон ночной пустоты.

Разум, смутившийся от случайной встречи с Ней, беззаветно отпускает по ветру пепел прежних искушений. Погружение в подземелье Духа уже не кажется странным. И так ли это важно, теперь, находясь в зыбких песках предрассветных грёз, понимать, какая по счёту ночь в наших ветвях?...

Уснуть.

А как же подарки?

У этих вещей памяти больше, чем у меня. Они смотрят на меня – они ждут ответа.

Придёт смерть. Смерть будущего. Я ни в чём не виноват. Моей вины нет. Просто очень хочется спать...

Из одного заблуждения в другое – Киреевский, Гамлет...

Вот в чём загвоздка.

Сентябрь.

Он всматривается в их лица, до боли знакомые черты. Память о них ещё не остыла. Ему слышатся их голоса: то, как они обращаются к нему, делятся тайнами, язвят, расспрашивают, то – хвастаются и завидуют... Он видит, как наяву, доску и цифры на ней: 30 97, старую женщину с букетом цветов; их лица, всюду их лица. Он видит себя, такого нерешительного, тихого, каким он был когда-то.

День траура. Сегодня в мире день траура. Он лежит на полу. Кружка остывшего чая... он никогда не пьёт чай, пыльное зеркало, стол и старый магнитофон с голосом скорби, с болью о прошлом... Сквозняк. Дует по полу, но он не встанет, чтобы закрыть окно. Он мёртв.

Часть четвёртая.

Страница дневника.

В пустых страницах бытия

Ни пятнышка чернил...

Все смотрят фильм. Финал его известен. Но зал никто не покидает. О, глупость! о, невежество! Всё суета. И вымышлены цели. Пусть с кем угодно – только б не один. Они боются.

Их страх пред одиночеством велик. И оправданье есть всему, и всё имеет смысл. А как иначе?

Никто не нужен никому.

Одна сплошная пустота. И ожиданье смерти.

Тишина.

Всё – лишнее. Я просто жду. Покой. Покой. И ночью в тишине... кому по-настоящему я нужен? Кому я нужен, если Бога нет. А Его нет! Ну странно, если б был... Зачем бы вздумалось Ему затеять это? Пускай. Не в Нём и дело. Вот я умер.

И – ничегошеньки. Ни Бога, ни души, ни рая нет, ни ада.

Сознание и рассудок – вот и всё. И те расстроены.

Один на кухне кофе пил. Вдруг закружилась голова и вследствие чего «об угол ухом пизданулся и оглох». Пошёл

за фильтром в магазин, чтоб чистую пить воду.

Другой наелся досыта... ещё... наелся вкусовостей... и в дорогих наелся ресторанах. Из зверя редкого себе купил он шубу. И цапки всякие. Идёт – и смотрят все. Ну так. И в животе всё дорого. К тому ж, выходит не дешёвым и говно. Вот он какой.

Он умер.

Черви его съели. Но даже и не поняли, что редкость.

А этот вот живёт с одной лишь целью, чтобы его все слушались,

завидовали все,

и в этакое подобострастии глядели.

По головам, по головам... Ну вот.

Пусть даже ненавидят. Только молча. И с лицами довольными... Итог?

А черви запросто и без благоговенья.

Вот слабый. Нюни распустил. Какое слово «нюни». Подходит слабому. Ну, самобичевание, затем – себя в глазах своих унизил. Уж ниже некуда. Сидит. И рожа виноватая: «Прости – мол – мою грусть... И что виновен я, прости...». А никому нет дела. Все заняты. Кто ест. Кто какает. Дел в мире много неотложных.

Жалеть нас некому...